

ПОЛИТИКА

Д.М.Рогозин

КОРРУПЦИЯ В РАССКАЗАХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ

Ключевые слова: биографические интервью, бюрократия, государственная служба, коррупция

В последние годы о коррупции говорится слишком много. Настолько много, что из обиходной, обыденной лексики тема перешла в профессиональную: нормативные акты, журналистские расследования, социальные студии¹. Сейчас едва ли мы найдем ведомство без подразделения, занимающегося антикоррупционной работой, и долгосрочную программу развития — без раздела, посвященного мероприятиям и регламентам, нацеленным на сдерживание коррупции. Сильнее всего юридическое освоение коррупционной тематики сказалось на государственных и муниципальных служащих. Как они восприняли предложенные нововведения? На что обращают внимание в разговорах о коррупции? Что выделяют в качестве значимых моментов, а что обходят стороной? Как реагируют на эту довольно болезненную проблему, которая с начала перестройки устойчиво занимает лидирующие позиции в публичном дискурсе? Подобные вопросы важны и актуальны, поскольку в качестве основных героев коррупционных сделок обычно предстают нерадивые чиновники, сама профессия которых в народном сознании приравнена к кормлению и мздоимству². Наша задача — дать высказаться государственным служащим не в ситуации дискуссии и противостояния сформировавшемуся общественному мнению, а в свободной, доверительной (насколько это возможно) беседе. Пространство антагонистического дискурса исключает понимание другого, и мы стараемся разрушить этот дискурс, проводя эмпирические обследования мира государственных и муниципальных служащих.

¹ Гуцев [Gucev] 2009; Агеева [Ageeva] 2010; Волков, Дамашкин [Volkov, Damaskin] 2010, 2011; Фалина [Falina] 2010; Корченков [Korchepov] 2011; Рамазанов [Ramazanov] 2012; Чикирева [Chikireva] 2012; Цинцадзе [Cincadze] 2013.

² Ипатова [Ipatova] 2013.

Эмпирическая рамка

³ Впервые результаты исследования были представлены на публичной лекции в Московской высшей школе социальных

Работа написана по материалам комплексного социологического исследования профессиональной этики государственных и муниципальных служащих, проведенного Центром методологии федеративных исследований и Центром аграрных исследований РАНХиГС при Президенте РФ в 2012—2013 гг.³ За время реализации проекта нам удалось собрать около 150 развернутых биографических интервью с государственными и муниципальными служащими разных рангов — от первых заместителей губернаторов и заместителей министров (достижимость более высоких чинов для продолжительных бесед оказалась близка к нулю) до специалистов и референтов.

и экономических наук (см. Rogozin [Rogozin] 2013). Автор выражает признательность членам исследовательской команды О.Я. Виноградской, В.Г. Виноградскому, Н.И. Галиевой, А.А. Ипатовой, А.В. Куракину, А.М. Никулину, К.Е. Новикову и И.А. Шмерлиной, в совместной работе с которыми удалось реконструировать (анти)коррупционный дискурс государственного служащего.

⁴ Berger 2013.

Опираясь на профессиональную биографию респондентов, мы расспрашивали их о достижениях и неудачах, о прошлом опыте и планах на будущее. Интересовались отношением к тем или иным политическим событиям, выясняли ценности и установки, представления о достойной жизни и недопустимых формах поведения. В этом контексте вполне естественно речь заходила и о коррупции. Инициатором такого разговора, как правило, был интервьюер, тем более что мы заранее поместили в гайд интервью несколько значимых для нас вопросов: сталкивались ли Вы с коррупцией? как Вы думаете, есть ли смысл бороться с коррупцией в нашей стране (и если да, то как это сделать)? как Вы относитесь к антикоррупционным мерам, которые принимает наше правительство?

Безусловно, задавая наводящие вопросы, мы получили дискурс второго порядка. Любая актуализация производит дискурс, как любой вопрос — ответы. Поэтому в интервью всегда есть опасность наведения на тему, формирования определенного мнения в речевой ситуации. В этих условиях первостепенное значение приобретает не наличие/отсутствие каких-то описаний или объяснений, а, во-первых, их взаимосвязь и расположение, во-вторых, наши собственные логические заключения. Осознание последнего позволяет говорить о рефлексивности проекта — неотъемлемой составляющей любого обоснованного социального исследования⁴. Мы как научные сотрудники, избалованные академической вольницей, далеки от строгой, регламентированной жизни российского чиновника. Далеки настолько, что иностранцы порой кажутся нам гораздо более близкими и знакомыми, чем наши соотечественники, работающие в тех или иных государственных учреждениях. С одной стороны, это мешает пониманию, не позволяет сблизиться и принять многие очевидные для служащих представления. С другой — благодаря социальной дистанции отчетливо видны базовые установки, привычные для исследуемого сообщества, а потому не осознаваемые и не подвергаемые сомнению. «В таком формате, — как заметил в частной переписке соруководитель проекта Александр Никулин, — особое внимание уделяется не тому, что респонденты хотят сказать, а тому, о чем они „проговариваются“, возможно, стремясь показать себя в несколько ином свете». Через отстраненную оптику чужака мы и хотим представить несколько наиболее удививших нас областей дискурса государственных служащих, затрагивающего темы коррупции, взяток, откатов и злоупотреблений служебным положением.

Результаты дискурс-анализа

После завершения интервьюирования и отбора наиболее релевантных коррупционной тематике (развернутых, аргументированных, уникальных) интервью, мы постарались найти общую, объединяющую состоявшиеся нарративы тематику. В ходе активного обсуждения полученных результатов и сопоставления впечатлений всех членов исследовательской команды удалось выделить пять значимых тем (см. рис. 1).

Рисунок 1 Тематический репертуар коррупционного дискурса

Далее мы представим каждую из них, приводя наиболее показательные примеры высказываний и конструируя систему аргументов заявленной тематической сборки совокупного нарратива.

Рядом нет плохого. В многочисленных опросах, проводимых полстерскими компаниями, уже привычным стал дискурс жалоб. Во-первых, разговоры о проблемах придают смысл общению с посторонним человеком: он может помочь исправить ситуацию, сделать жизнь лучше. Во-вторых, в нашей культуре не принято говорить о хорошем постороннему. Можно сглазить, прогнать удачу или же показаться чересчур самодовольным, выставляющим напоказ то, что требует более близкого, не шапочного знакомства. Другими словами, распределения в российских массовых опросах зачастую смещены в негативную сторону не только из-за тотальной проблематичности самой жизни, но и в силу манеры, привычки ее описания, представления перед посторонним человеком. Абсолютно иной настрой и тон высказываний обнаружился в интервью со служащими. Чуть ли не все, с кем пришлось разговаривать, независимо от статуса, пола и возраста, места проживания и институциональной приписки, с теплотой отзывались о коллегах. Практически во всех группах населения распространенность коррупции ассоциируется с плохой работой чиновников и отсутствием доверия к власти⁵. Соответственно, любые высокие оценки собственного вклада в государственное управление автоматически указывают на отсутствие коррупции. Иначе говоря, коррупции подвержены чиновники-в-себе, чиновники-для-себя чисты и безупречны. В их мире нет раздоров и не-

⁵ Хабибулин, Селиванов [Khabibulin, Selivanov] 2007; Макарова, Вахрушев [Makarova, Vakhrushev] 2012: 59; Villoria, van Ryzin, Lavena 2013: 92.

допонимания; главное — объяснить задачу, показать интерес, войти в положение, и вопрос будет решен (см. фрагмент 1).

Фрагмент 1 **Главный специалист комитета
(стаж на госслужбе 1 год)**

1. Я когда пришла на госслужбу, я поняла, что чиновники, они нормальные,
2. хорошие, добрые люди. Если что-то непонятно, спроси, позвони, объясни
3. правильно, тебя поймут и тебе помогут.

⁶ *Holmes 2008; Orlova 2008; Sharafutdinova 2010; Куприянов [Kuprijanov] 2010: 184; Cheloukhine, Haberfeld 2011: 61—62; Левин, Сатаров [Levin, Satarov] 2012: 4—5; Макеев [Makeev] 2013: 160; Healy, Ramanna 2013: 123—125; Дзуцев [Dzucev] 2013: 95—96.*

Однако столь позитивный внутренний мир находится в крайне негативном контексте. Коррупция в России воспринимается многими как естественное и неизбывное явление⁶. Не случайно в разговорах вновь и вновь возникают оправдательные смысловые конструкции: оставаясь участниками публичного дискурса (по факту гражданства и проживания), респонденты демонстрируют неприятие складывающейся дискурсивной ситуации, внутренний дискомфорт, связанный с общественным мнением в отношении «хорошо» работающего чиновника (см. фрагмент 2).

Фрагмент 2 **Председатель информационно-аналитического комитета области
(стаж на госслужбе 15 лет)**

1. Большинство считает, что все чиновники — взяточники. Я в рабочее время
2. общаюсь с такими же чиновниками, как и я. Я же вижу, как люди работают,
3. я могу адекватно оценивать их, а не то как интернет-пользователи.

⁷ *Bardhan 1997: 1331.*

NB! Обращая внимание на дискурсивное самовоспроизводство коррупции, Пранаб Бардхан отмечает, что уверенность в коррумпированности способствует нарастанию таковой⁷. Убежденность в тотальности коррупционных отношений даже при отсутствии личной вовлеченности в них создает почву для вольного толкования законов и пренебрежения формальными нормами. В связи с этим, говоря о борьбе с коррупцией, Бо Ротшайн рекомендует сосредоточить усилия не на осуждении подобной практики, а на трансформации публичного дискурса: «Изменение представлений о том, что хорошо и что плохо, весьма непродуктивно, поскольку люди и так это знают. Важнее преодолеть веру агента в то, что все другие агенты склонны к коррупционным действиям»⁸. Данная рекомендация особенно актуальна для России, где многочисленные

⁸ *Rothstein 2011: 118—119.*

⁹ Иванов [Ivanov]
2005.

¹⁰ Cheloukhine,
Haberfeld 2011: 70.

и подчас голословные утверждения о повсеместности и системности коррупционных отношений кочуют из материала в материал. Так, ссылаясь на заметку в «Аргументах и фактах»⁹, Сергей Челухин и Мария Хаберфельд пишут о миллионных платежах за посты министров и заместителей министров в правительстве РФ¹⁰. Нарративы о повальной коррупции, переходящие в истории и анекдоты, создают негативный контекст для какой-либо осмысленной борьбы с этим явлением. Когда нелегальное мыслится тотальным, постановка вопроса о нелегальности становится весьма проблематичной.

«Большинство считает, что все чиновники — взяточники» (фрагмент 2, строка 1), — лейтмотив наших бесед об образе государственного служащего в глазах населения. Рассказывая о недалеком прошлом, мужчина с весьма солидным стажем на государственной службе вспоминает, что в какой-то момент ему стало неловко говорить о том, что он госслужащий. Осуждение достигло таких масштабов, что даже со знакомыми нельзя было обсуждать подобные вопросы. Из-за череды негативных коннотаций тема работы была выведена из повседневных разговоров (фрагмент 3).

Фрагмент 3 **Начальник управления по вопросам государственной службы и кадров
департамента социальной защиты населения
(стаж на госслужбе 29 лет)**

1. Мне стало стыдно признаваться, потому что, понимаете, оказывался в ситуации,
2. при которой я вынужден был... Когда я говорил, что работаю в аппарате, следом
3. я должен был, глядя на людей, они молчали, многие молчали, но люди-то
4. интеллигентные, воспитанные, я вынужден был оправдываться: «Ну, вот мы не
5. делаем это, вот мы не вредим, вот мы не берем взятки».

Для многих россиян работа не только составляет большую часть жизни, но и формирует идентичность, мировоззрение. У государственных служащих работа, со свойственной ей чередой авралов и сверхурочных, гораздо быстрее становится второй натурой. Не обсуждать ее с друзьями — все равно что скрыть часть себя, поддаться профессиональному отчуждению, разделить жизнь как минимум на две непересекающиеся сферы.

Хотя основные негативные коннотации остались в прошлом (фрагмент 3), говорить о каком-либо кардинальном изменении отношения к государственной службе не приходится. Вновь и вновь, даже

в нейтральных разговорах, наши собеседники занимают оправдательную позицию, подчеркивая, что не собираются как-то объяснять, что не воруют и не берут взятку. Но сам факт акцентирования этого момента указывает на весьма критичный и потенциально взрывоопасный социальный контекст: «Люди думают — в принципе пусть думают» (фрагмент 4, строка 2).

Фрагмент 4 **Начальник управления по организации размещения заказов комитета по управлению государственным имуществом области (стаж на госслужбе 1 год, на муниципальной — 10 лет)**

1. Я спокойно к этому отношусь. То есть я как бы заявляю, что я не отношу себя к
2. такой категории чиновников. Люди думают — в принципе пусть думают. То есть
3. там спорить с пеной у рта, что это не так, и доказывать я не буду.

Тем самым собственная значимость, осмысленность профессиональной деятельности конституируются в языке через оправдательные конструкции, от противного. Это приводит к необходимости как позитивных оценок своего окружения, так и определения внешних по отношению к себе и коллегам «темных сил». Если большинство верит во взяточничество, если позиция коррумпированного чиновника воспринимается всеми участниками коммуникации как самоочевидный факт, единственный шанс противопоставить данной установке какой-то позитивный аргумент — это обозначить возможность подобной ситуации где-то в другом месте. Встречаются и взяточники, но все они живут где-то далеко, не здесь и не имеют отношения к текущим повседневным делам. Дискурсивный перенос позволяет сохранить лицо. Разговор о коррупции становится формой различения «своих» и «чужих» в публичном дискурсе, одновременно расставляя вполне определенные оценочные штрихи, маркируя «своих» как хороших, а «чужих» — как плохих.

Все зло вовне. Коррупция как обворовывание государства, вымогательство, стяжательство и, наконец, уголовное преступление, предполагающее значительные сроки исправительных работ, невозможна рядом. Столь жесткие оценки коррупции исключают разговор о ней с посторонним человеком. О коррупции как о тяжком преступлении можно рассуждать лишь в общих, отвлеченных терминах, если, конечно, уже не находишься на скамье подсудимых. Другими словами, с такой коррупцией нужно бороться, но обнаружить следы этой борьбы можно только вовне: в газетах, телепередачах, официальных заявлениях и журналистских расследованиях (фрагмент 5).

Фрагмент 5 Начальник управления в департаменте социальной защиты
(стаж на госслужбе 16 лет)

1. И: Я не очень поняла, почему не имеет смысла бороться с коррупцией?
2. Р: Да имеет смысл бороться, конечно. Не просто имеет смысл, а обязаны
3. бороться, просто обязаны.
4. И: Борются?
5. Р: Не знаю. Я чего-то в газетах не видел судебных процессов. Как сказал
6. Владимир Владимирович: «А посадки-то где?». Не видел.
7. И: То есть обязаны, но Вы не знаете.
8. Р: Нет, я результатов не видел. В газетах я вижу статьи журналистов о
9. том, что у нас насквозь прогнивший аппарат. И я не вижу статьи
10. журналистов из зала суда, как раньше говорили, о судебных процессах.
11. Но аппарат либо прогнил, либо нет. Поэтому тут вот такая дурь получается.

«Я чего-то в газетах не видел судебных процессов», — в сердцах говорит руководитель среднего звена, отнюдь не последний человек в иерархии государственной службы. Акцент на уголовном преследовании типичен в выборе наиболее эффективных антикоррупционных мер¹¹. Так проявляется вынесенная за рамки близкого круга коррупционная тематика. Сажать и наказывать провинившихся — типичная логика отчужденного сознания, не признающего латентной коррупционной составляющей в собственной деятельности. «Можно предположить, что „коррупцированная личность“ — это стереотип, популярность которого делает возможным сохранение существующей структуры и психологическое успокоение по принципу: даже идеальная структура не может обуздать криминальную энергию проникнувших в нее редких „черных овец“, обнаружение и идентификация которых, в том числе с точки зрения невключенного наблюдателя, являются свидетельством функционирования структуры, — отмечает Карл-Хайнц Заурвайн. — Замечание о сильной криминальной энергии деятеля, с одной стороны, дополняет картину борьбы добра и зла, с другой — ставит под сомнение возможность и эффективность превенции и контроля. Кроме того, оно предостерегает гражданам возможность повозмущаться по поводу безответственности других людей»¹².

¹¹ Астанин, Сто-роженко, Санатин [Astaniñ, Storozhenko, Sanatin] 2012: 19.

¹² Заурвайн [Saurwein] 2012: 107—108.

NB! Как справедливо подчеркивают Марина Макарова и Роман Вахрушев, в российском дискурсе доминирует юридическое определение коррупции, автоматически предполагающее соответствующий набор наказаний в виде административных штрафов и лишения

¹³ Макарова, Вахрушев [Макарова, Vakhrushev] 2012: 53.

свободы¹³. В этом плане наши собеседники лишь воспроизводят привычные клише рассуждений о коррупции. Возможно, именно здесь-то и кроется основная причина выведения разговора за рамки личного опыта. Если разговор изначально маркируется как касающийся публичной, внешней по отношению к говорящему темы, наивно ожидать переключения на перипетии собственной жизни.

Борьба с коррупцией давно стала публичной процедурой, вынесенной за пределы частной жизни. О происходящих злодеяниях можно читать в газетах, смотреть по телевизору, находя уже маркированные кем-то внешним признаками разложения. Оптика различения настроена на дальнюю дистанцию, иначе будет просто невозможно работать, существуя в среде, изначально опрокинутой в коррупционные отношения. Изучая коррумпированные поселения в Индии, исследователи обнаружили удивительную устойчивость негативного отношения к коррупции¹⁴. Последняя не может не вызывать осуждения, однако негативные оценки оказываются обращены исключительно к внешнему миру и сформулированы в виде общих этических максим.

¹⁴ Widmalm 2008: 148 (цит по: Rothstein 2011).

Решать вопросы. Формально задача служащего заключается в том, чтобы точно и своевременно исполнять поручения. Но это уровень не проявивших себя, не достигших значимых позиций. У служащих данного типа уйдут многие годы на продвижение по карьерной лестнице, и их потолок — не выше начальника отдела. Иное дело те, кто смог выйти за рамки сугубо регламентных обязательств. Выполнение поручений вышестоящих инстанций, точное следование нормативным установлениям, своевременное предоставление отчетности — необходимые, но недостаточные условия успешной карьеры российского чиновника. Главное — уметь «решать вопросы». «Решать вопросы» — значит четко и эффективно реализовывать проекты, отвечать на нужды внешних стейкхолдеров (бизнесменов, политиков, общественных деятелей) при сохранении безупречного порядка в юридической документации (фрагмент 6).

Фрагмент 6 **Начальник управления правового, организационного и информационного обеспечения комитета культуры области (стаж на госслужбе 8 лет)**

1. В повседневной жизни, когда еще я работал в Областной думе, я часто работал
2. с людьми, то есть к нам приходил человек, мы работали с его проблемой и
3. помогали. Я видел, что человек остался довольный, ему реально помогли. И

4. он к нам не относился негативно, то есть у него была проблема, он пришел —
5. ему помогли, у него все хорошо.

Умение маневрировать законами, трактовать юридические тексты и находить легальные схемы для реализации поставленных задач — вот что делает чиновника значимым и нужным специалистом. Навык в «решении вопросов» — главный фактор успешной карьеры государственных и муниципальных служащих верхнего эшелона. Примечательно, что в речах госслужащих рассуждениям о «решении вопросов» зачастую сопутствуют упоминания о получении дополнительного вознаграждения от заинтересованной стороны. И хотя последнее действие маркируется как недопустимое, сам факт упоминания о взятке в контексте «решения вопросов» плотно подгоняет и согласует два дискурса, создавая рамки для интерпретации: «не взятку взять, а решить вопрос» (фрагмент 7).

Фрагмент 7 **Начальник управления по вопросам государственной службы и кадров департамента социальной защиты населения (стаж на госслужбе 29 лет)**

1. Человеку свойственно гордиться какими-то поступками. Неблаговидность поступка
2. в том, что он взял взятку, а достоинство в том, что он решил вопрос. Так вот, среди
3. тех вопросов, которые решали люди, я лично не вижу второй стороны, которая
4. бы эту взятку принесла.

«Решение вопросов» — это всегда выход за пределы «прямого участия» (фрагмент 8, строки 2—3). Если текущие дела укладываются в регламент, отсутствует героика чиновнического труда. Напротив, нестандартные ситуации, которые следует преодолеть, оставляют след в памяти, выступают связующим звеном между государственным служащим и группой заинтересованных лиц. «При этом мы реальное решение приняли с застройщиком... Мы решили ему помочь. Некий мозговой штурм устроили, как это сделать в правовом поле» (фрагмент 8, строки 4—7). Здесь уже нет речи о веберовском типе бюрократии, сопровождающей законодательство. Госслужащий берет на себя интерпретацию закона, принимает решения, переопределяющие ситуацию и выводящие отдельных игроков на привилегированные позиции. Обладая властью, чиновник выступает третейским судьей или парламентарем между конфликтующими сторонами.

**Фрагмент 8 Первый зам. главы администрации области
(стаж на госслужбе 2 года)**

1. Я исполняла обязанности губернатора в его отсутствие. И объявили митинг.
2. Как же я стала заниматься этой проблемой? Она не в прямом моем участии
3. была. И мне пришлось их вызывать, сдерживать, давать реальные обещания.
4. При этом мы реальное решение приняли с застройщиком, который взял на
5. себя обязательства. Мы решили ему помочь. Некий мозговой штурм устроили,
6. как это сделать в правовом поле. Мы же понимаем, что как-то иначе мы не
7. можем решать этот вопрос, только в правовом поле. Малой кровью обошлись,
8. все решили. Дольщики мне звонят, пишут: «Спасибо большое!» Это говорит о
9. том, если мы хотим, мы делаем. Но есть бюрократические моменты, очень
10. хочется сделать нормально, а вот (пауза).

¹⁵ Jain 2001:
73—75.

Арвинд Джейн выделяет три самостоятельных вида коррупции, действующих по собственным правилам: политическая коррупция, предполагающая использование политических решений в интересах тех или иных лиц; бюрократическая коррупция, базирующаяся на особых условиях предоставления государственных услуг; и правовая коррупция, основанная на закреплении такого рода условий в законодательстве¹⁵. В случае «решения вопросов» бюрократическая коррупция уступает место политической. Деятельность госслужащих трансформируется в политическую работу — урегулирование и согласование интересов, когда законы предстают лишь в качестве некоего внешнего атрибута, системы правил, за которые желательно не выходить. «Если в голове одна абстракция, просто какие-то бумажки, какие-то цифры, то проблемы решаться не будут» (фрагмент 9, строки 3—5).

**Фрагмент 9 Первый зам. начальника управления делопроизводства и контроля
при правительстве области
(стаж на госслужбе 10 лет)**

1. Чиновник должен обладать, наверно, самым главным качеством —
2. воспринимать то, что происходит с людьми, очень близко. Тогда он
3. сможет решать их вопросы. Если у него в голове одна абстракция,
4. просто какие-то бумаги, какие-то буквы, какие-то цифры, то

5. проблемы решаться не будут. Все переходит из сферы
6. решения проблем просто в бумажную какую-то такую плоскость.

«Решение проблем» как восприимчивость к внешним запросам, забота о людях и указывает на некую область преодоления ограниченный формального служения. Согласно этой логике, когда высшее благо вступает в противоречие с предписанием, следует искать возможности переопределения последнего. «Решающий проблемы» всегда находится во внешней позиции по отношению к закону. Он не носитель нормы, а ее толкователь. Он не чиновник, а политик, использующий статус чиновника для реализации политических целей.

В «решении вопросов» наиболее отчетливо проявляется проблематичность идеи сервисного государства, рассмотрения власти как услуги. Человек, заботящийся о некотором благе, выступающий в роли гаранта легитимности «договаривающихся сторон» и найденных «компромиссных решений», уже не может оказывать этим сторонам услуги. Он берет на себя большую функцию — функцию разрешения конфликта и установления некоей всеобщей нормы. Другими словами, из функционера, поддерживающего законодательно принятые решения, он превращается в производителя решений, в которых закон — лишь внешний атрибут, рамка для ведения собственной игры.

Персонификация услуги. Профессиональная бюрократия, превозносимая в работах классиков, давно стала притчей во языцех среди населения. Бюрократ, точно следующий букве закона, исполняющий инструкции, неприятен как окружающим, так и самому себе. Оптимизация бюрократических процедур зачастую подменяется их полным нивелированием через персонификацию оказываемых услуг. В обыденной речи бюрократизации противопоставляется человечность, умение войти в положение, в дискурсе бизнеса — внимательность к нуждам, ориентированность на клиента. Проявление человечности и внимательности, выходящих за рамки прямых служебных обязанностей, подталкивает к ответной благодарности, хотя бы небольшому подарку (практика вознаграждений, широко распространенная, в частности, в советское время¹⁶). Но что всегда было благом для бизнесмена, оказывается искушением для государственного служащего. Именно персонификация административного труда позволяет говорить об услуге, производимой чиновником. Его компетентность определяется способностью «решать вопросы», оставаясь в правовом поле (фрагмент 10).

¹⁶ Cheloukhine, Haberfeld 2011.

Фрагмент 10 **Начальник управления по вопросам государственной службы и кадров департамента социальной защиты населения (стаж на госслужбе 29 лет)**

1. Оставаясь в правовом поле, обходить сложные места; договариваясь

2. с заинтересованными сторонами, принимать компромиссные решения.
3. Нельзя решать вопрос ради того, чтоб отчитаться о его решении. А
4. решая вопрос, надо, первое, сделать так, чтобы никто не пострадал
5. и чтоб стало лучше, и, второе, решать его таким образом, стараться, чтобы
6. уже больше не возвращаться к этому вопросу. То есть его надо
7. решать так взаимодовлетворимо, чтоб он больше не вставал. Все,
8. решили и пошли дальше.

«Нельзя решать вопрос ради того, чтобы отчитаться о его решении», — бросает госслужащий с большим стажем работы. Отчетность — лишь побочная, зачастую обременительная сторона в работе. Главное, что придает чиновнику значимость, — это востребованность среди ближайшего окружения, заинтересованного в изменении текущего положения дел.

Именно персонификация государственной услуги и становится основой коррупционной среды. Когда правила обслуживания выстраиваются исходя из индивидуальных качеств обратившихся за услугой, не может быть и речи о поддержании справедливости и базирующегося на ней социального порядка.

Борьба как назначенная процедура. Борьба с коррупцией разворачивается вовне. Оставаясь непубличной, неявной для обычного гражданина, она воспринимается как нечто неэффективное, показное. Чиновник — такой же человек, читающий газеты, листавший интернет-страницы, переключающий каналы телевизионных программ. Для него коррупция — не особенность внутренней профессиональной среды, не эрозия, не риск, присущий данной сфере деятельности, а нечто внешнее, проказа, которая расползается где-то там, на других территориях. Отголоски борьбы доходят до него в виде постановлений и распоряжений, выступлений журналистов и публикаций социальных исследователей¹⁷. Заполнение деклараций о доходах, составление квартальных отчетов, проведение совещаний и производство внеплановой документации — вот и все, что противопоставлено коррупции внутри профессионального мира. Антикоррупционная риторика опирается на строгие регламенты, не отличимые от иных нормативных установлений. На вопрос об эффективности мер по борьбе с коррупцией заместитель председателя комитета по управлению госимуществом замечает, что «сложно оценить» (фрагмент II, строка 5). Антикоррупционные меры, уголовная и административная ответственность, публичное осуждение конструируют оптику, блокирующую критическое отношение к себе и своему окружению. «Формальные методы», направленные на выявление документов с «расширенным толкованием какой-то правоприменительной нормы», чему-то, по словам респондента, «якобы» помогают (строки

¹⁷ См., напр. Юхачев [Jukhachev] 2010; Рамазанов [Ramazanov] 2012; Яблонская [Jablonskaja] 2012.

13—15). Однако понимания «чему» нет: «Я просто не знаю, насколько это эффективно» (строки 18—19). Количество отчетов увеличилось (строка 23), но это внешнее, заданное извне требование, воспринимаемое конечным исполнителем как «лишняя работа» (строка 26).

Фрагмент 11 Зам. председателя комитета по управлению государственным имуществом (стаж на госслужбе 7 лет)

1. И: А меры, которые предпринимаются по борьбе с коррупцией, они
2. эффективны? Как Вы думаете? Или это так, ну, там для...
3. Р: Я не знаю.
4. И: А-а, Вы даже...
5. Р: Мне сложно оценить, потому что, слава богу, я себя не отношу в
6. разряд коррупционеров, и у нас это, как бы. Я не знаю, я просто уверена, что в нашей структуре нет таких людей. Поэтому мне сложно
7. оценить, потому что я не знаю, как это делается.
8. И: Не, неужели Вас... Просто, по-моему, там есть какие-то
9. антикоррупционные экспертизы документов, там что-то такое.
10. Или Вы это?
11. Р: Это больше, скажем так, формальные методы. Да, конечно, мы сейчас уделяем пристальное внимание. Но это больше, скажем так,
12. юридические аспекты, да? То есть везде, где допускается
13. расширительное толкование какой-то правоприменительной нормы,
14. оно позволяет якобы, ну, или является коррупциогенным фактором.
15. Мы обращаем на это внимание, убираем такие формулировки
16. в нормативных актах там и прочее. Я просто не знаю, насколько это
17. эффективно, потому что как-то мне это сложно оценить, как было вот,
18. допустим, с прошлой формулировкой, как стало с нынешней
19. формулировкой. Не знаю. Конечно, надо что-то делать. И, наверное,
20. это правильно, что сейчас хоть какая-то работа стала проводиться.
21. Мы очень много отчетов пишем по антикоррупционной работе.
22. И: Но они, мне интересно, то есть это, как бы вы пишете, но они
23. какой-то эффект имеют? То есть это действительно помогает
24. снижать коррупцию, да? Или это вам очередная головная боль просто и все?
25. Р: Понимаете, учитывая, что я сказала, какая вот ситуация, нам это, конечно,
26. лишняя работа, на самом деле. Потому что как можно оценить,
27. приносят ли вот эти вот меры плоды или не приносят, когда не с
28. чем сравнивать.
29. И: Ну да.
30. Р: Если б у нас, допустим, за год было рассмотрено там или привлечено к
31. ответственности три чиновника за какие-то коррупционные действия, а

32. в этом году ни одного, то можно было бы сказать, что данная работа
 33. поимела свой результат. У нас такой статистики, естественно, нету.
 34. Поэтому, вот, применительно к нашей структуре я могу сказать, что
 35. для нас это дополнительная нагрузка.

Смысл, понимание ситуации как бы вынесены на верхний уровень иерархии, подобно самой коррупции; они расположены где-то вовне, что не только делает их недостижимыми, но и лишает осмысленности само стремление к интерпретации происходящего. Поэтому заполнение все новых и новых форм отчетности не может «поиметь свой результат» (фрагмент 11, строка 33) в виде уголовных преследований и административных взысканий (строки 30—32). Отсутствие таковых маркируется как отсутствие коррупции, а значит — и фактов, позволяющих говорить об эффективности антикоррупционных мер.

NB! По заключению Ило Ю Винг-Ята, использование формальных методов борьбы с коррупцией, не опирающихся на установки чиновничества, влечет за собой лишь модификацию бюрократического поведения, никак не связанную с реальным противостоянием коррупции. В качестве примера он приводит случай с действовавшей в Макао в 2000-х годах антикоррупционной комиссией, сделавшей ставку на административные инструменты. Согласно опросам общественного мнения и оценкам зарубежных экспертов, в результате деятельности комиссии коррупция в регионе сократилась до минимума, однако в 2006 г. эту благостную картину нарушил арест министра транспорта и государственных работ по обвинению во взятках на сумму более 100 млн. долларов¹⁸. Дополнительная отчетность и система проверок, запущенные для профилактики коррупционных отношений, привели лишь к переструктурированию реальных механизмов принятия решений и перераспределению потоков коррупционных платежей, переместив их на более высокий уровень государственного управления.

¹⁸ Wing-Yat 2013: 94.

Некритическая позиция по отношению к антикоррупционным мерам типична для всех уровней российской власти. Заместитель губернатора, стоящий как минимум на две ступени выше заместителя председателя комитета, по сути, мало чем отличается от него в оценках поступающих сверху распоряжений. Разговор об эффективности антикоррупционных мер бессмыслен, поскольку единственным его адресатом и адресантом является вышестоящий орган власти: «Мне любые меры будут понятны, я их приму и с ними буду считаться, потому что государство приняло такие правила игры» (фрагмент 12, строки 4—6).

Фрагмент 12 **Первый зам. губернатора**
(стаж на госслужбе 3 года)

1. И: Те меры, которые есть, они неэффективны, я так понимаю,
2. с Вашей точки зрения, а какие...
3. Р (перебивая): Я бы не сказала, что неэффективны. Я просто, применяя
4. к себе лично как к руководителю, хочу сказать, что мне любые меры
5. будут понятны, я их приму и с ними буду считаться, потому что
6. государство приняло такие правила игры. Эффективны — неэффективны...
7. Вернемся к Вашему вопросу. Может, просто неправильно докладывают,
8. поэтому кажется, что везде коррупция. Я с этим не согласна.
9. Зная здесь коллектив, зная коллег своих, поверьте, ну нельзя так говорить.
10. Тут достаточно порядочные, уверенные люди сидят, работают. Поэтому
11. вы говорите «неэффективны» — я не подпишусь под этим тезисом.
12. Что надо сделать для этого? Набирать более грамотных, порядочных,
13. профессиональных людей. Вот некий вот этот тест, я думаю, как
14. один из элементов.

Вопрос об эффективности актуализирует тему персонала, подталкивает собеседника к заявлениям о высоком профессионализме и порядочности своих подчиненных. И работа над повышением эффективности антикоррупционных мер — это всего лишь подбор более грамотных сотрудников. Однако вопрос интервьюера не случаен. Всего лишь минуту назад зам. губернатора говорила об огромном количестве ненужных отчетов, раздутом штате, немотивированной передаче полномочий (фрагмент 13, строки 1—4). Поэтому реплики о высоком профессионализме скорее напоминают попытку исправить предыдущие высказывания, которые могут быть истолкованы превратно, не в пользу возглавляемой структуры.

Фрагмент 13 **Первый зам. губернатора**
(стаж на госслужбе 3 года)

1. Выкинуть бы половину отчетов, я вас уверяю, и чиновников сократить
2. и на поля отправить. Потому что мы вынуждены при передаче
3. полномочий из федерального центра, мы даже не растим
4. чиновников, штат не увеличиваем, а полномочия на нас валятся,
5. валятся. Вы не поверите, каждый день куча отчетов. В разные
6. министерства одно и то же, на бумажном и электронном носителе.

7. И это люди сидят и работают, это вся канцелярщина. У меня подход
8. такой, более с бизнеса, более такой реальный. Я бы половину убрала.
9. Оно не дает той эффективности, что необходимо для реальности.

¹⁹ Ntayi, Ngoboka, Kakooza 2013.

Наивные вопросы интервьюера об эффективности борьбы с коррупцией выламываются за рамки здравого смысла российского служащего. Назначенные процедуры не могут оцениваться с позиции исполнителя, вынужденного принимать их к безусловному исполнению. Они не вписаны в «моральную схему»¹⁹ и воспринимаются как некая объективная реальность административной работы. Единственный атрибут эффективности, на который может ссылаться руководитель, — это находящийся в его подчинении персонал, который следует в меру ругать и хвалить, дабы не нарушить баланс между нисходящими распоряжениями и восходящей отчетностью.

Во время перерыва в формальном интервью под диктофон один из рядовых служащих рассказал историю о попытке переопределить разделяемое коллегами представление об эффективности и последующем крахе личной интерпретации. Устроившись на работу и получив первое задание, он выполнил его за пару часов, чем вызвал недоумение начальства — и новое поручение. Молодой человек работал не так уж много, но пытался все делать быстро, в опережение возможных сроков. Вскоре он заметил, что не только начальник, но и коллеги смотрят на него с недоумением, постепенно переросшим в скрытую враждебность и отчуждение. Думая, что с чем-то не справляется, новоиспеченный служащий старался изо всех сил, все улучшая количественные показатели (время и объем документации) своей работы. Однако отношение к нему только ухудшалось. И лишь спустя несколько месяцев из случайного разговора он узнал, что проблема заключается в обратном. За свою недолгую карьеру он умудрился так повысить эффективность труда, что за день выполнял месячную норму любого из коллег, поставив под сомнение результативность уже их работы. «После этого я быстро исправил ситуацию, стал работать как все, и отношения в коллективе наладились», — резюмировал он с улыбкой. «Каждый день куча отчетов», непрерывные запросы из разных министерств (фрагмент 13, строки 5—6) создают ситуацию функционирования вне контекста эффективности. Единственной задачей в рамках текущей антикоррупционной борьбы оказывается исполнение внешних распоряжений, что ставит под вопрос ее осмысленность и целесообразность.

Заключение

Упрощение социальных отношений, разделение легального, установленного законом, и фактического, необходимого для принятия решений, составляют основу публичной диссолюции (по Герберту Спенсеру) государственной службы, или разложения социального порядка. Именно это мы и наблюдаем, когда государственные служащие, подчиняясь общей регуляции, указывают на недостаточность формально-

го исполнения законов и распоряжений вышестоящих органов. Через актуализацию внешней, зачастую враждебной среды и недовольство тотальной подотчетностью они переходят к решению насущных вопросов, тем самым демонстрируя неспособность властной иерархии выполнять свои функции на местах в пределах разработанных норм и регламентов.

В изучении коррупции не всегда целесообразно конструировать общие объясняющие модели²⁰. Проведя блестящий сравнительный анализ ситуации в различных национальных государствах, Майкл Джонстон выделил четыре типа коррупционных «синдромов»: (1) давление рынка, (2) картели элит, (3) олигархия и кланы, (4) магнаты от госслужбы²¹. Россия в этой типологии отнесена к странам, где доминирует третий синдром, а значит, основное внимание исследователей должно быть направлено на малые группы элит и персональные кланы, контролирующие и защищающие коррупционные отношения²². На политических и экономических элитах делается акцент и в работе Челухина и Хаберфельд, где в качестве основных причин широкого распространения коррупции в России обозначены: (1) традиция мелких взяток, сложившаяся в советские времена; (2) системное («сверху») принуждение бизнеса к вступлению в коррупционные отношения; (3) общее представление о тотальности коррупции²³. Однако за подобным макросоциальным маркированием и глобальными объяснительными конструкциями теряется механика коррупционных сделок, воспроизводство которых можно наблюдать на всех уровнях социальных отношений. Реализация олигархической власти становится возможной лишь в контексте институциональной диссолюции, поддерживаемой многими носителями регулятивной функции. Коррупция воспроизводится в обыденных, рутинных отношениях даже тогда, когда отсутствуют прямые трансакции, связанные с получением выгоды.

За понятными и вполне рациональными с точки зрения здравого смысла рассуждениями о помощи простому человеку и решении его проблем, о снятии социальной напряженности и компромиссных соглашениях скрывается тенденция к коррумпированию легитимной власти. В данном случае под коррупцией мы понимаем не столько денежную наживу, сколько размывание формальных правил через договорные отношения. Несмотря на отсутствие общепринятого определения коррупции, большинство исследователей сходится в том, что коррупция подразумевает использование власти в личных целях посредством избегания общих правил игры²⁴. «Вне сомнения, что, во-первых, коррупция приносит частную выгоду отдельным лицам; во-вторых, что коррупция соответствует модели взаимовыгодного обмена с тем отличием, что такая сделка совершается за счет третьих лиц и акторы либо исходят из того, что об их сделке третьи лица не узнают, либо предпринимают для сокрытия сделки активные действия. И это удается им тем лучше, чем лучше они могут использовать асимметрию информационных систем, чтобы скрыть сделку, или чем лучше они могут использовать суще-

²⁰ См., напр. Епархина [Eparikhina] 2011.

²¹ Johnston 2010: 36.

²² Ibid.: 121.

²³ Cheloukhine, Haberfeld 2011: 67–68.

²⁴ Jain 2001: 73.

ствующую непрозрачность, чтобы увеличить асимметрию. Только при таких условиях возможна манипуляция с целью принятия решений в свою пользу»²⁵.

²⁵ Заурвайн
[Saurwein] 2012:
108.

Коррупционер решает проблемы узкого круга лиц за счет подлаживания к существующим правилам. Его задача — «делать дела», переопределяя действующие нормы, но оставляя их при этом неизменными. Участники теневых отношений не заинтересованы в пересмотре законодательства. Любые самые бесполезные установления, приводящие к росту отчетности, бюрократизации и волоките, являются для них лишь внешними условиями «реальной» работы. Капитализация последней, повышение роли и статуса коррупционера напрямую зависят от неразберихи и противоречивости текущего законодательства. Поэтому формальное следование указаниям и инструкциям при видимом подчинении легальному руководству есть признак зарождения коррупционных отношений. Там, где снята задача осмысления и понимания происходящего, возникают собственные зоны смысла, приводящие к паразитированию на общих социальных отношениях в интересах отдельных частных групп.

Библиография

Агеева О.В. 2010. Правовые основы противодействия коррупции в России // *Следователь*. № 4 [Ageeva O.V. 2010. Pravovye osnovy protivodejstvija korrupcii v Rossii // *Sledovatel*. № 4].

Астанин В.В., Стороженко И.В., Санатин В.П. 2012. Взаимодействие органов государственной власти с институтами гражданского общества в сфере противодействия коррупции (Результаты конкретно-социологического исследования) // *Мониторинг правоприменения*. № 4 [Astaniin V.V., Storozhenko I.V., Sanatin V.P. 2012. Vzaimodejstvie organov gosudarstvennoj vlasti s institutami grazhdanskogo obshhestv v sfere protivodejstvija korrupcii (Rezul'taty konkretno-sociologicheskogo issledovanija) // *Monitoring pravoprimerenija*. № 4].

Волков А.Н., Дамаскин О.В. 2010. Актуальные вопросы законодательного обеспечения противодействия коррупции // *Современное право*. № 12 [Volkov A.N., Damaskin O.V. 2010. Aktual'nye voprosy zakonodatel'nogo obespechenija protivodejstvija korrupcii // *Sovremennoe pravo*. № 12].

Волков А.Н., Дамаскин О.В. 2011. Проблемы и перспективы развития законодательного обеспечения противодействия коррупции // *Современное право*. № 4 [Volkov A.N., Damaskin O.V. 2011. Problemy i perspektivy razvitija zakonodatel'nogo obespechenija protivodejstvija korrupcii // *Sovremennoe pravo*. № 4].

Гуцев П.Ю. 2009. Конституционные основы противодействия коррупции в России // *Конституционное и муниципальное право*. № 12 [Gucev P.Ju. 2009. Konstitucionnye osnovy protivodejstvija korrupcii v Rossii // *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo*. № 12].

Дзуцев Х.В. 2013. Государственная коррупция в органах власти Республик Северная Осетия — Алания // *Власть*. № 4 [Dzucev Kh.V. 2013. Gosudarstvennaja korrupcija v organakh vlasti Respublik Severnaja Osetija — Alanija // *Vlast'*. № 4].

Епархина О.В. 2011. Моделирование коррупции: параметры, условия, возможности // *Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г.Демидова*. Серия: Гуманитарные науки. № 3 [Eparkhina O.V. 2011. Modelirovanie korrupcii: parametry, uslovija, vozmozhnosti // *Vestnik Jaroslavskego gosudarstvennogo universiteta im. P.G.Demidova*. Serija: Gumanitarnye nauki. № 3].

Заурвайн К.-Х. 2012. Коррупция — возвращение «старого» мира в эпоху модерна? // *Социологическое обозрение*. № 3 [Saurwein K.-H. 2012. Korrupcija — vozvrashhenie «starogo» mira v ehpokhu moderna? // *Sociologicheskoe obozrenie*. № 3].

Иванов С. 2005. Покупать и продавать // *Аргументы и факты*. № 21 [Ivanov S. 2005. Pokupat' i prodavat' // *Argumenty i fakty*. № 21].

Ипатов А.А. 2013. Зачем современной России чиновник? // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Социология. № 1 [Ipatova A.A. 2013. Zachem sovremennoj Rossii chinovnik? // *Vestnik Rossijskego universiteta družby narodov*. Serija: Sociologija. № 1].

Корченов В.В. 2011. Организационно-правовое обеспечение противодействия коррупции // *Государственная служба*. № 1 [Korchenov V.V. 2011. Organizacionno-pravovoe obespechenie protivodejstvija korrupcii // *Gosudarstvennaja sluzhba*. № 1].

Куприянов И.С. 2010. Динамика бытовой коррупции в Ивановской области (По результатам социологического мониторинга 2008—2009 гг.) // *Вестник Костромского государственного университета им. Н.А.Некрасова*. Т. 16. № 1 [Kuprijanov I.S. 2010. Dinamika bytovoj korrupcii v Ivanovskoj oblasti (Po rezul'tatam sociologicheskogo monitoringa 2008—2009 gg.) // *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A.Nekrasova*. Т. 16. № 1].

Левин М.И., Сатаров Г.А. 2012. Коррупция в России: классификация и динамика // *Вопросы экономики*. № 10 [Levin M.I., Satarov G.A. 2012. Korrupcija v Rossii: klassifikacija i dinamika // *Voprosy ehkonomiki*. № 10].

Макарова М.Н., Вахрушев Р.В. 2012. Коррупция как предмет социологического анализа // *Вестник Удмуртского университета*. № 3 [Makarova M.N., Vakhrushev R.V. 2012. Korrupcija kak predmet sociologicheskogo analiza // *Vestnik Udmurtskego universiteta*. № 3].

Макеев Я.А. 2013. Коррупция в общественном мнении жителей среднего города // *Историческая и социально-образовательная мысль*. № 2 [Makeev Ja.A. 2013. Korrupcija v obshhestvennom mnenii zhitelej srednego goroda // *Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl'*. № 2].

Рамазанов Р.У. 2012. Регламентация работы государственных и муниципальных служащих как способ противодействия коррупции // *Проблемы в российском законодательстве*. № 5 [Ramazanov R.U. 2012. Reglamentacija raboty gosudarstvennykh i municipal'nykh sluzhashhikh kak sposob protivodejstvija korrupcii // *Problemy v rossijskom zakonodatel'stve*. № 5].

Рогозин Д.М. 2013. *Коррупция глазами чиновника: Публичная лекция в цикле «Открытые среды Шанинки»* [Rogozin D.M. 2013. Korrupsija glazami chinovnika: Publichnaja lekcija v cikle «Otkrytye sredy Shaninki»] (http://www.infox.ru/science/enlightenment/2013/01/30/___Korrupsija_glazami.phtml).

Фалина А.С. 2010. *Взаимодействие государства и бизнеса в разработке и реализации антикоррупционной политики Российской Федерации*. — М. [Falina A.S. 2010. Vzaimodejstvie gosudarstva i biznesa v razrabotke i realizacii antikorrupcionnoj politiki Rossijskoj Federacii. — M.].

Хабибулин А.Г., Селиванов А.И. 2007. Россия-2007 — точка бифуркации // *Власть*. № 2 [Khabibulin A.G., Selivanov A.I. 2007. Rossija-2007 — tochka bifurkacii // *Vlast'*. № 2].

Цинцадзе Н.С. 2013. Коррупция как деструктивный фактор и элемент частноправовых отношений в Российской Федерации: условия, причины, формы проявления и законодательная основа противодействия // *Вестник Тамбовского университета*. Серия: Гуманитарные науки. № 3 [Cincadze N.S. 2013. Korrupsija kak destruktivnyj faktor i ehlement chastnopravovykh otnoshenij v Rossijskoj Federacii: uslovija, prichiny, formy projavlenija i zakonodatel'naja osnova protivodejstvija // *Vestnik Tambovskogo universiteta*. Serija: Gumanitarnye nauki. № 3].

Чикирева И.П. 2012. Проблемы правового регулирования обязанностей муниципальных служащих по соблюдению законодательства о противодействии коррупции // *Вестник Тюменского государственного университета*. № 3 [Chikireva I.P. 2012. Problemy pravovogo regulirovanija objazannostej municipal'nykh sluzhashhikh po sobljudeniju zakonodatel'stva o protivodejstvii korrupcii // *Vestnik Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 3].

Юхачев С.П. 2010. Противодействие коррупции в среде государственных служащих в России // *Вестник Челябинского государственного университета*. № 5 [Jukhachev S.P. 2010. Protivodejstvie korrupcii v srede gosudarstvennykh sluzhashhikh v Rossii // *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 5].

Яблонская Л.М. 2012. Этический аспект деятельности государственных служащих: значение в преодолении коррупции // *Вестник Челябинского государственного университета*. № 3 [Jablonskaja L.M. 2012. Ehticheskij aspekt dejatel'nosti gosudarstvennykh sluzhashhikh: znachenie v preodolenii korrupcii // *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 3].

- Bardhan P.** 1997. Corruption and Development: A Review of the Issues // *Journal of Economic Literature*. Vol. 33. № 3.
- Berger R.** 2013. Now I See It, Now I Don't: Researcher's Position and Reflexivity in Qualitative Research // *Qualitative Research*. 3.01.
- Cheloukhine S.**, Haberfeld M.R. 2011. *Russian Organized Corruption Networks and Their International Trajectories*. — N.Y.
- Healy P.M.**, Ramanna K. 2013. When the Crowd Fights Corruption // *Harvard Business Review*. Vol. 91. № 1—2.
- Holmes L.** 2008. Corruption and Organized Crime in Putin's Russia // *Europe-Asia Studies*. Vol. 60. № 6.
- Jain A.K.** 2001. Corruption: A Review // *Journal of Economic Surveys*. Vol. 15. № 1.
- Johnston M.** 2010. *Syndromes of Corruption: Wealth, Power, and Democracy*. — Cambridge.
- Ntayi J.M.**, Ngoboka P., Kakooza C.S. 2013. Moral Schemas and Corruption in Ugandan Public Procurement // *Journal of Business Ethics*. Vol. 112. № 3.
- Orlova A.** 2008. Corruption in Russia: On the Myth of the Market and the State as Antidote // *OstEuropa*. Vol. 58. № 1.
- Rothstein B.** 2011. *The Quality of Government: Corruption, Social Trust, and Inequality in International Perspective*. — Chicago.
- Sharafutdinova G.** 2010. What Explains Corruption Perceptions? The Dark Side to Political Competition in Russian's Regions // *Comparative Politics*. Vol. 42. № 2.
- Villoria M.**, van Ryzin G.G., Lavena C.F. 2013. Social and Political Consequences of Administrative Corruption: A Study of Public Perceptions in Spain // *Public Administration Review*. Vol. 73. № 1.
- Widmalm S.** 2008. *Decentralization, Corruption and Social Capital: From India to West*. — L.
- Wing-Yat E.Y.** 2013. Anti-corruption Approaches in Macao: Lawmaking and Legal Enforcement // *Journal of Contemporary China*. Vol. 22. № 79.